

БЕРНАР
МИНЬЕР

БЕРНАР
МИНЬЕР

ГРЕБАННАЯ ИСТОРИЯ



Москва
2018

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44
М62

Bernard Minier

UNE PUTAIN D'HISTOIRE

© XO Éditions, 2015. All rights reserved

Художественное оформление *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке *Филиппа Барбьшева*

Миньер, Бернар.

М62 Гребаная история / Бернар Миньер; [пер. с фр. З. Линник]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 448 с. — (Европocket. Главный триллер года).

ISBN 978-5-04-092768-5

Этот роман получил престижнейшую европейскую литературную премию Polar de Cognac как лучший франкоязычный роман 2015 года, а его автор окончательно закрепил за собой репутацию живого классика французского триллера.

Вся жизнь Генри — одна сплошная тайна. Его мать и отец, которых он толком не помнит, давным-давно погибли. Приемные родители увезли его на небольшой остров у берегов штата Вашингтон; они запрещают ему выкладывать свои фотографии в «Фейсбуке» и пресекают любые расспросы о его прошлом. А теперь Генри стал главным подозреваемым в убийстве своей девушки — ее нашли мертвой вскоре после того, как молодые люди на глазах у окружающих устроили бурную ссору. У юноши есть объяснение своей странной жизни. Но это совершенно нереальная история...

УДК 821.133.1-312.4

ББК 84(4Фра)-44

© Линник З. Перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-092768-5

Посвящается друзьям детства

Это знают все читатели, знакомые с географией Северной Америки: особенность ее топографии требует, чтобы имя Вашингтона было присвоено одновременно федеральной столице, находящейся на востоке, в округе Колумбия, и штату, о котором и пойдет речь в этой истории, расположенному на северо-западе США.

Вначале это страх.

Страх утонуть.

Страх перед другими — теми, кто меня ненавидит, теми, кто желает разделаться со мной.

А еще страх перед правдой.

Вначале это страх

Я никогда не вернусь на этот остров. Даже если Дженнифер Лоуренс лично позвонит мне в дверь, умоляя вернуться, и то не сделаю этого.

Вот что я вам скажу с самого начала: то, что я сейчас расскажу вам, может показаться невероятным. Это не какая-нибудь обычная история, так я ему и скажу. Уж что нет, то нет. Это такая гребаная история. Ага, *нереально гребаная история...*

А теперь, чтобы, как говорится, возбудить у вас аппетит, вот такая картина: рука, которая высовывается из пропасти и тянется к небу, — бледная, с растопыренными пальцами, — после чего окончательно погружается в пучину. Вокруг меня ревет ветер с моря, в лицо хлещет дождь и океанские брызги, пока я плыву и удаляюсь от этой призрачной руки. Я плыву, пытаюсь плыть, волны приподнимают меня, уносят к оконечности острова, я ныряю в трехметровой глубины провалы между волнами и поднимаюсь на пенящиеся верхушки, кашляя, дрожа, наполовину утонувший.

Вначале это страх

Другое зрелище:

...дом весь в огне, я перед ним на коленях, плача и воя как безумный, и сирены, которые заполняют собой все пространство ночи.

— Сейчас я скажу вам кое-что другое, — говорю я ему. — Я знаю, что вам трудно мне поверить. Честно говоря, я не могу вас в этом винить. И, однако, все именно так и произошло.

В точности так.

* * *

Сидя в своем кресле, он смотрит на меня. Своими темными глазами. Он крупный, внушительных размеров. Должно быть, один его пиджак стоит дороже моей машины. Только что он взглянул на часы. Он ничего не говорит. Сколько ему лет? Сорок пять? Пятьдесят?.. Должно быть, он из того типа мужчин, которые нравятся женщинам.

— С чего начать? — спрашиваю я.

— С самого начала, — отвечает он.

Это уже лучше.

— Сколько у меня времени?

— Столько, сколько нужно, Генри.

— Очень хорошо, — киваю я. — Конечно, вы не обязаны мне верить.

Он молчит. Не выражает никаких эмоций. Этот человек — мой отец. Он прав: вернемся туда, где все началось...
...вернемся к самому началу.

Перед началом

Августовская ночь. Шум, грохот, треск, порывы ветра. Затем пронзительные свистки, которые эхо разносит по заливу, визги, которые похожи на звук от трения по поверхности туго надутого шарика. Пронзительные, раздающиеся все чаще и чаще. И плеск воды, волн.

Сидя в морском каяке, я внимательно смотрю на завесу тумана. Тишина. Луна освещает воду вокруг меня.

Я сдерживаю дыхание. Появляется черный плавник, два, три, четыре — до одиннадцати... Мое сердце начинает биться чаще. Из тумана медленно появляются большие хищники в черно-белых одеяниях, выстроившись в один ряд, будто готовясь к сражению; их плавники рассекают воды, освещаемые полной луной. Я делаю один гребок веслом, затем другой — осторожно — в их направлении.

Кое-что, что нужно знать о косатках

Косатка — это сверххищник, самый опасный на планете; не известно ни одного из ее естественных врагов; она царствует на вершине пищевой цепочки. Это существо наделено необычайным умом. Каждая стая оседлых косаток имеет свой продуманный язык, сложный диалект, который отличается от тех, которыми пользуются другие стаи, и это одна из редких разновидностей, которые обучают последующие поколения своему мастерству. У оседлых косаток очень развито чувство общественного.

А еще есть косатки-кочевники...

Эти еще опаснее, еще безрассуднее, они рыщут по океанам в полнейшей тишине и большую часть времени — в одиночестве. Именно из-за них косатки заслужили свое прозвище «киты-убийцы». Они без колебаний нападают на морских млекопитающих больших размеров: тюленей, морских львов, морских свиней. Их боятся даже акулы и киты. А сами кочевые косатки не ведают страха. Они просто идеальные убийцы...

Косатка — хищник, не имеющий соперников, но она редко бросается на человека, разве что в неволе. Было бы хорошо выгнать всех туристов, развернуть все их лодки, которые с июня по октябрь грубо вторгаются на их территорию — которая к тому же и моя, — и оставить косаток в покое. Как это сделал я, в полной тишине, той августовской ночью. На борту своего каяка. В тот час, когда там никого, кроме них и меня. Я довольствовался тем, что приветствую их. Что смотрю, как они проплывают. Что оставляю их в живых. Так же, как и они меня. Они никогда меня не беспокоили. Ни-

когда не пытались привести меня к моей нынешней жизни. Причинить мне вред. *Убить меня...*

Почему некоторые люди не способны поступить точно так же?

Кочевая косатка — самое жестокое из морских млекопитающих, но человек-кочевник — самый жестокий из всех млекопитающих, вместе взятых.

Известная истина. Которую мне еще предстоит открыть для себя.

* * *

Ночь в октябре: волны бьют в корпус. За спиной раздается характерное мужское покашливание: человек прочищает горло. Она поднимает глаза к ночному небу. В черных зрачках полет морских птиц на фоне луны. В уголке глаза появляется соленая слеза. Ее рот открыт, дыхание частое; ее сердце подпрыгнуло так высоко, что ей кажется, будто она сейчас выплонет его на скользкие доски палубы.

Снова металлический скрежет за спиной. Хриплый крик. Как будто что-то точат. Порыв ветра в ее волосах, между ячейками сети.

Представьте себе ее страх. Ей всего семнадцать. Представьте себе такой страх, какой только сможете. Страх настолько сильный, что сокрушает вам сердце, и кажется, будто сейчас взорвется в груди. Страх, от которого деревенеют мускулы, будто пропитанные водой канаты, которые высохли и затвердели на солнце.

От волн палуба корабля качается, и она боится потерять равновесие. Особенно с этой тяжелой рыболовной сетью на голове и на плечах. Сквозь волосы она чувствует ее жесткие узлы, вдыхает запах водорослей, рыбы, дизельного топлива и морской соли, от которого выворачивает желудок. У нее нет ни малейшего представления, что она здесь делает, — просто чувствует на плечах весь вес перепутанных канатов, влажных и скверно пахнущих, водорослей, подобных узким ремешкам, цепей для поплавков. Она чувствует, как они тянут вниз и стекают на нее. И поток обрушивается ей на голову. Ей хотелось бы осмотреться, но сейчас так темно, так темно...

Однако он здесь, совсем рядом. Луч света слепит ей глаза, когда он возникает напротив и смотрит на нее, выглядывая из-под шуршащего капюшона. Это длится всего лишь секунду, но оно здесь, в ее зрачках: то, что ее ждет. Ее охватывает ужас. Он держится за поручень планшира¹, но для нее все это — лишь тени, клочья ваты, выкрашенные черным. Бледный, тоненький полумесяц луны, будто коготь, царапающий ночь, черные деревья, черный берег, ветер — и тесное пространство маленького рыболовного суденышка, опасное, полное крючков и острых ржавых краев, о которые она уже порезалась.

Между большим подъемником и кабиной; там, где он сейчас выполнит свою отвратительную работу.

— Тебе не следовало об этом говорить, — произносит он.

Его голос холодный, далекий и чужой.

— Теперь ты понимаешь?

Он переминается с ноги на ногу, взгляд устремлен на нее. Она дрожит. Ее рот открыт — пересохший, будто набитый густой кашей. И тут ее начинает тошнить. Будто приглашая исполнить какое-то нелепое танго, он обхватывает руками бесформенный ком сети с пучками водорослей, которые держат в плену ее тело, и толкает ее назад.

— НЕТ!

В это мгновение она не видит картин из детства, как это описывается в романах и фильмах... В этой мрачной октябрьской ночи нет никого, кроме нее и него. Она видит перед собой только цилиндрический силуэт спасательной лебедки — темный и угрожающий, с оранжевыми шарами буйков, прикрученными по сторонам, и завесу сети, которая еще соединяет ее с кораблем, — ватерлиния, линия жизни. Мгновением позже он толкает ее, и она отступает назад, в пустоту. Ее поглощает черная холодная вода. Она раскрывает рот, чтобы дышать, глотает воду, кашляет. Она борется, чтобы тяжесть сети не утянула вниз, но волны хлещут, накрывают ее, а затем отступают, чтобы снова пойти на при-

¹ Горизонтальный деревянный брус в верхней части фальшборта или борта шлюпок и беспалубных небольших судов. — *Здесь и далее, за исключением оговоренных случаев, прим. пер.*

ступ. Накатывает приступ паники и ужаса, она кричит, но тотчас же снова глотает воду, икает, ее желудок заполнен морской водой. Мотор меняет режим, и внезапно ее увлекает в кильватере на большой скорости, трясет, раскачивает, крутит. Руки на ощупь ищут выход между ячейками сети, ногти царапают веревки. Ее тело закочнело в холодной воде, слишком холодной. У нее начинается головокружение. Чем больше он ускоряется, тем больше она чувствует, что ее увлекает в глубину. Рядом с ней борется крупная рыба — палтус или лосось. Ее голова ныряет под волны, будто поплавков удочки, затем она выныривает и каждый раз делает глубокий жадный вдох, вбирая в себя морской воздух. Все меньше и меньше вдохов, меньше и меньше воздуха... Примерно секунду в шевелящейся соленой тьме, сознание охватывает невероятная ясность. Вся жизнь — будто вспышка, ясная и светлая.

Задолго до того, как над морем разгорается день, она уже мертва.

Ее глаза открыты, как у куклы, кожа — такая же белая и гладкая, как живот рыбы, застрявшей в ячейках сети.

По крайней мере, именно так все и должно было произойти, так мне это видится...

Часть I

1. Паром

22 октября 2013 года в 17.45 — уже почти стемнело — она сказала мне:

— Генри, я хочу сделать паузу.

Вот тогда, без сомнения, все и сработало. В конечном итоге именно такие моменты всегда и запоминаются. Они будто вехи нашего существования, будто маяки вдоль побережья. Во всяком случае, именно тогда я ее и потерял — как в прямом, так и в переносном смысле слова.

Полагаю, что начать эту историю будет логично на борту парома, не так ли? Я прожил семь лет на лесистом острове поблизости от Сиэтла. Не проходит и дня, чтобы я не думал о нем. Место? Где-то между Анакортесом на северо-западном побережье Тихого океана и Гласс-Айленд, на борту «Эльвы». Момент времени? Беспросветная ночь, полная тьмы и ярости, — настоящая штормовая ночь.

В тот вечер, я помню, холод пронизывал до костей, дождь на островах лил как из ведра, и вдали от огней парома, в черноте, было слышно, как рычит море, словно вечно голодный рассерженный зверь. Из-за адского шума восьми тысяч лошадиных сил и порывов ветра, воющего у нас в ушах, она повысила голос. Я сделал то же самое:

— ЧТО? Что ты говоришь?

Она поморгала, опустила глаза, снова подняла.

— Я знаю, мне следовало поговорить с тобой об этом гораздо раньше, но...

— О чем поговорить? — сказал я. — Наоми, *о чем?*

Из-за проклятого шума я тоже был вынужден кричать, чтобы меня услышали.

Паром качнуло, заставив нас почти танцевать на месте. Мы находились на нижней палубе, открытой всем ветрам, рядом с машинами, в то время как другие пассажиры уютно посиживали внутри, в тепле, на крепко закрытой палубе, рассказывая друг другу события минувшего дня.

Это Наоми настояла на том, чтобы спуститься сюда. Словно не хотела, чтобы нас видели вместе.

— Генри, я хочу, чтобы мы сделали перерыв. Паузу... На некоторое время... Чтобы во всем разобраться. Кое-что произошло. Мне нужно поразмыслить... И во всем *разобраться*...

— Что? Что ты такое говоришь? В чем разобраться?

Я не мог понять, какое это имеет отношение ко мне. От ветра тонкая каштановая прядь выбилась из-под капюшона. Наоми подняла глаза, ее взгляд остановился на мне.

— Генри, я обнаружила правду.

Она посмотрела на меня в упор. У Наоми были глаза цвета аметиста с оттенками незабудок и лазурита, с темным, почти черным кружком вокруг радужки, и опаловая роговица: глаза кошки.

— Какую правду? — спросил я.

У меня закружилась голова. Мир вокруг поплыл.

— Я обнаружила, *кто ты такой*.

Вот. Так все и началось.

Расставание — одно из тех, какие случаются миллионами каждый год в эпоху, когда все хотят счастья, но не хотят платить за это свою цену. В ту осень нам было по шестнадцать.

— Кто я? Но, послушай, о чем ты таком говоришь?

На этот раз Наоми не ответила.

— К чему все эти тайны? — спросил я. — Почему ты перестала писать мне сообщения, почему избегаешь меня? Что происходит, Нао?

Внутри все скрутилось тугим узлом. Вот уже целую неделю по утрам, едва проснувшись и созерцая пустой экран телефона, я чувствовал покалывание в сердце.

Больше нет эсэмэсок...

Всякий раз это наблюдение вызывало у меня приступ тошноты. Раньше не проходило и дня без короткого и нежного «с добрым утром». Всего три слова, каждое из которых свидетельствовало о глубине ее чувств. Нечто подобное я посылал ей каждый вечер. Перед тем как уснуть.

Вчерашнее послание было немного напыщенным. Там говорилось: «*Ничто нас не разлучит. Я люблю тебя. Я буду любить тебя всегда*».

Знаю, что такое разрыв.

Я видел Джоша Ландиса, очень бледного, готового расплакаться, в том захудалом пабе, когда Кейси Хиншоу объявила ему, что все кончено. Я видел Тесс Персон, отличную девушку, несколько недель пребывавшую в раздразе, когда эта сволочь Шэнна Макфадден распространил видео, где Дэнни Ловаш, бывший дружок Тесс, клянется и божится, что Тесс для него ничего не значит. Знаю, что такое разрыв.

Но не мой, не наш с Наоми.

Только не *мы*.

С нами такое не могло произойти. Мы — это на всю жизнь. JMNS¹ — пока смерть не разлучит нас. Это была наша мантра.

Знаю, что вы думаете: «Шестнадцать лет...»

Ну и что? Некоторые люди начинают встречаться в этом возрасте и остаются вместе на всю жизнь. Я смотрел на Наоми. В тот вечер она выглядела грустной. Бесконечно грустной. *Откуда исходила эта грусть?* От меня? От кого-то другого? Вопросы бились о стенки моего черепа, как волны о корпус парома. Это ведь моя подружка, девушка, которую я люблю. Та, с которой я хотел провести всю оставшуюся жизнь. Проклятье, меня охватило такое чувство, будто мои внутренности пожирает дандженесский краб.

— Черт возьми, может, скажешь мне наконец, что происходит? Что я такого сделал? У тебя появился другой, так?

Сам того не желая, я повысил голос до крика.

¹ Joint Mission Needs Statement (*англ.*) — заявка на выполнение задания, военный термин. Jusqu'à ce que la Mort Nous Sépare (*фр.*) — пока смерть не разлучит нас. В виде аббревиатур выглядят одинаково.